

«Мы печатали «МК» на принтере и бегали под дулами танков»

Для сотрудников «Звуковой Дорожки» и музотдела «МК» путч 1991 года запомнился среди прочего необычайно карнавальным флером. Вечером 18 августа, в последние, как потом выяснилось, часы нарождавшейся (спасибо Горбачеву) свободы и в ничего еще не подозревавшей стране на переполненном стадионе в Свердловске (ныне Екатеринбург) восходящая звезда поп-музыки Маша Распутина рвала луженой глоткой сердца и души поклонников на выездном фестивале «Звуковой Дорожки»...

«Играй, музыкант», «Я останусь с тобой»... Мегахиты – в том числе по степени воздействия на психосоматическое состояние публики, – на фоне чего все нынешнее расфуфыренное музхозяство российского шоу-бизнеса выглядит бледной соплей, завершили музыкальный фестиваль на приподнятой ноте. Утром малочисленный, но дружный коллектив «ЗД» – я, тогдашний директор выездных фестивалей «ЗД» Володя Захаров (погибший, увы, в «лихие» 90-е) и его подружка, певица из Усинска Ленка

Зелинская, которой для пущей важности мы придумали загранично-польский псевдоним Хелена Зелиньска, – собирался вылетать в Сочи на переговоры с концертным залом «Фестивальный» о следующей выездной программе «ЗД». Эти кочующие фестивали, одни из первых в стране, имели тогда невероятный успех.

По дороге в аэропорт должны были заехать в местную филармонию, чтобы подписать какие-то документы, типа «сдал–принял» (бюрократия жива при любых режимах). Утром, закидывая в спешке вещи в чемодан, включил в номере телевизор. Там по единственному каналу (с телемену тогда вообще было не густо, поэтому как-то и не заострил на этом внимание) шел балет «Лебединое озеро». «Как мило, теперь уже и по утрам приобщают

народ к прекрасному», – промелькнул легкий сарказм в голове, и я помчался к ожидавшему нас у входа убитому пазику. Тогда весь автопарк, тем более казенный, в стране был убитый...

Добрались, пердя и скрипя, до филармонии. А там какая-то суета. Все бегает с вытаращенными глазами. Говорим: «Мы тут акты приехали подписать». «Какие акты? – говорят нам. – В стране переворот». Мы с Захаровым переглянулись и собрались поддержать расхожую шутку ответной остротой. Потому что тогда, если кто помнит, тема переворота, начатая еще месяцев за шесть до этого неврастенической тирадой на Съезде народных депутатов тогдашним министром иностранных дел СССР Эдуардом Шеварднадзе, превратилась, как сейчас бы сказали, в расхожий мем. О потенциальном перевороте, злодейском заговоре «бывших», к месту и не к месту судачили-шутили-пугали при каждом удобном случае. Вот мы и решили, что поутру так шутят в Свердловской филармонии. Ну, мы: «Ха-ха, да, переворот, но давайте акт подпишем, нам в Сочи улетать». «Чего «ха-ха»?! – уставился на нас какой-то дядька в очках, классический служивый червяк-доходяга. – Переворот!» – и посмотрел выразительно на радиоточку. А из нее, слышим, что-то бубнят драматическим левитановским голосом про ГКЧП, шесть соток, свалившегося от таинственной болезни Горбачева, военное положение... И тут до нас доперло: переворот, однако! Накаркали, стало быть, Эдуард Амвросиевич, будь вы неладны...

И тут как обухом по голове среди всей это бубниловки слышу из радиоточки какую-то гадость о закрытии всех (как всех?!) газет, кроме «Правды» и «Красной звезды». «Что? И «МК»?» – в ужасе, хотя и невозможно было в это поверить, пронеслось в голове. Звоню, слезно выпросив у червяка в очках дозволения (у филармонии лимит на звонки по межгороду, а о мобильниках тогда не знала даже научная фантастика), в Москву, в редакцию. Уже и не помню, до кого дозвонился. Причем не сразу, а раза с десятого. Как пела Агузарова: «Воткните в мое сердце электропровода» – советские телефонные линии были перегружены. «Да, нас закрыли, мы баррикадируемся, в Москве танки, никто ничего не знает, Гусев (наш главред тогда и сейчас. – Прим.

А.Г.) сказал, что будем стоять до последнего, все собираются в редакции, – ответил коллега. – Ты где?» Где-где? В Караганде...

Говорю Захарову: «Надо лететь в Москву!». А тогда ж с билетами не как сейчас: зашел в гаджет и парой кликов заказал хоть перелет на Марс за час до отправления. Несемся в аэропорт. Вываливаемся из такси, и я буквально упираюсь носом в какое-то пузатое красномордое существо, такое важное, в фуражке, штаны с красными лампасами, погоны с большими звездами... Тоже, наверное, куда-то хотел лететь. Вся страсть моего праведного гнева и вылилась на него. «Что, твари, решили страну под себя подмять, свободы нас лишить? Как не стыдно?!» – сама Мордюкова позавидовала бы, наверное, эмоциональному надрыву этого привокзального экспромта. Чувак опешил, конечно. Даже не понял, что случилось и как отвечать на фразу «как не стыдно?!». Сейчас бы, конечно, тут же упekli в каталажку...

Но мы уже неслись в терминал. Надо было раздобыть три билета до Москвы. Как в любом советском аэропорту – давка, суета, духота, очереди, билетов, разумеется, нет. Ни-ку-да и ни на когда... Пробивные способности (не зря же директор фестивалей «ЗД»!) Володи Захарова все-таки впихнули нас в какую-то полуразвалившуюся «тушку» – и вот она, Златоглавая. Путь до редакции, конечно, еще более удручил тотальную удрученность: колонны танков на всех дорогах, спецтехника, оккупационные войска...

Дверь в редакцию закрыта. Стучусь. Приоткрывают. Свои...

Вызвался разносить ночами по Москве листовки «МК», распечатанные на принтере. Газету же закрыли. Но мы не сдавались. Печатали экстренные выпуски в формате листовок. Но даже тогда, бегая под дулами танков и автоматов, совершая с кипами листовок формата А4 перебежки между баррикадами, кострами, темными дворами и переулками в тревожном ощущении тотального коллапса, было предчувствие – необъяснимое, иррациональное, но стойкое. Это предчувствие вопреки всему вселяло надежду, вдохновение, кураж. Даже бесстрашие. Флюиды

свободы, несмотря ни на что, наполняли тогда воздух бодрящей свежестью...

Спустя три дня свобода вернулась. «Звуковая Дорожка» продолжила фестивалить и дальше. Настали новые, другие времена. Казалось, навсегда.

Артур Гаспарян